

УДК-32.019.51:321.022

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-52-61

КУЛЬТУРНАЯ И КОММУНИКАТИВНАЯ ПАМЯТЬ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ

М. Ю. Мартынов, В. С. Пуртова

Мартынов Михаил Юрьевич,

Сургутский государственный университет, Сургут, Российская Федерация.

Пуртова Виктория Сергеевна,

Сургутский государственный университет, Сургут, Российская Федерация.

Аннотация

Предметом исследования являются особенности использования культурной и коммуникативной памяти в процессах формирования региональной и общенациональной идентичности в исторической политике местных сообществ на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Проверена гипотеза, что обращение к культурной памяти выступает в качестве идеологического инструмента, поэтому она часто становится предметом конструктивистских практик исторической политики. Методами исследования выступали контент-анализ документов и социологические опросы. По результатам исследований авторы установили, что историческая политика в местных сообществах Югры выступает частью символической политики, направленной на формирование общенациональной идентичности как фактора поддержания общественно-политической стабильности в стратегически важном регионе. Однако она недостаточно отражена в нормативно-правовых актах, и ее взаимосвязь с формированием идентичности слабо осознается акторами. Основными субъектами выступают органы муниципальной власти, использующие в качестве инструментов исторической политики обращение главным образом к культурной памяти. Коммуникативная форма сохранения коллективных представлений о прошлом гражданами не менее востребована, однако местные сообщества не обладают достаточной субъектностью для участия в исторической политике на локальном уровне, например, через деятельность общественных организаций. Образующиеся лакуны в коллективных представлениях о прошлом в определенной мере компенсируются коммуникативными формами семейной памяти.

Ключевые слова: историческая политика; политика памяти; культурная и коммуникативная память; региональная идентичность; гражданская идентичность; местные сообщества; коллективные представления о прошлом

Для цитирования: Мартынов, М. Ю., Пуртова, В. С. (2026) 'Культурная и коммуникативная память в контексте исторической политики местных сообществ', *Вестник Пермского университета. Политология* / *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), сс. 52-61. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-52-61

Финансовая поддержка: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда № 25-28-20086, <https://rscf.ru/project/25-28-20086/> «Историческая политика местных сообществ и формирование региональной и общенациональной идентичности».

CULTURAL AND COMMUNICATIVE MEMORY IN THE CONTEXT OF HISTORICAL POLICY OF LOCAL COMMUNITIES

M. Y. Martynov, V. S. Purtova

Mikhail Y. Martynov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and Philosophy,
Surgut State University, Surgut, Russian Federation.

Victoria S. Purtova, Senior Lecturer, Department of Political Science and Philosophy,
Surgut State University, Surgut, Russian Federation.

Abstract

The study examines the role of cultural and communicative memory in shaping regional and national identity within the historical policy of local communities in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug–Ugra. The hypothesis is tested that the appeal to cultural memory is a more convenient ideological tool, and that it is more often the subject of constructivist practices in official historical policy. The research uses content analysis of documents and sociological surveys. It shows that historical policy in Ugra is part of a symbolic policy aimed at forming national identity as a factor of socio-political stability in a strategically important region. However, it is insufficiently reflected in regulatory acts, and its relationship with the formation of identity is poorly understood by actors. The main actor is the municipal authorities, which use as instruments of historical policy an appeal mainly to cultural memory. The communicative form of preserving collective ideas about the past by citizens is no less in demand, but local communities lack sufficient agency to participate in historical politics at the local level, for example, through the activities of public organizations. The resulting gaps in collective representation about the past are compensated to a certain extent by communicative forms of family memory.

Keywords: historical politics; memory politics; cultural and communicative memory; regional identity; civic identity; local communities; collective representations of the past

For citation: Martynov, M. Y., Purtova, V. S. (2026) 'Cultural and communicative memory in the context of historical policy of local communities', *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), pp. 52-61. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-52-61

Funding: The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 25-28-20086 "Historical Policy of Local Communities and the Formation of Regional and National Identity").

Актуальность

Исследовательский интерес к исторической политике связан с ее ролью в современных процессах формирования политической идентичности. Ведущим актором выступает государство, транслирующее свои исторические нарративы главным образом в символическом пространстве культурной памяти. И на федеральном, и на региональном уровнях создана система ее институализации, включающая исторические парки, мемориальные комплексы, выставочные и музейные экспозиции, исторические общества, регулярные коммеморации по случаю памятных дат и т.д.

В то же время роль коммуникативной памяти в идентификационных процессах, основанная на обмене живыми свидетельствами в ходе непосредственного общения в социальных группах, гораздо реже становится предметом исследований. Между тем эту роль, хотя и менее манифестируемую, зачастую латентную, нельзя недооценивать. Достаточно вспомнить перипетии неприятия массовым сознанием первой версии государственной исторической политики, сформулированной в 1990-е гг., связанной с идеей «проработки трудного прошлого / коллективной травмы» в качестве культурной нормы, или неудачные попытки стигматизации советской эпохи, когда выяснилось несоответствие сложившимся коллективным представлениям о прошлом предлагаемого исторического нарратива, который в результате «оказался не слишком эффективным инструментом консолидации макрополитического общества» (Малинова, 2016: 143–146).

Степень изученности

По мнению основоположника исследований коллективной памяти М. Хальбвакса, коллективные представления о прошлом функционируют именно как коммуникативный процесс взаимодействия между собой членов социальных групп. «Чаще всего мы обращаемся к своей памяти, чтобы отвечать на вопросы, которые они нам задают или могли бы задать, причем, отвечая на их вопросы, мы встаем на их точку зрения и рассматриваем себя как членов той же группы или тех же групп что и они», – писал французский социолог (Хальбвакс, 2007: 28). Подчеркивая этот коммуникативный характер формирования групповой идентичности, он описывает его специальным понятием «социальные рамки памяти».

На роль этих коммуникативных аспектов социальной памяти указывают и современные исследователи (например, Алейда Ассман). Благодаря групповой коммуникативной памяти коллективные воспоминания приобретают не только согласованность и достоверность, но и в силу того, что

возникают в среде пространственной близости, регулярной интерактивности, сходного образа жизни становятся объединяющей силой, формирующей сообщества (Ассман, 2014: 21).

Идея выделения в рамках социальной памяти, помимо коммуникативной еще одной ее формы – культурной памяти, принадлежит Яну Ассману. Он обратил внимание на то, что понятие коммуникативной памяти хорошо описывает воспоминания только недавнего прошлого и формирование коллективных представлений о нем главным образом у современников. Однако общество нуждается в сохранении памяти на гораздо более длинном отрезке, в том числе благодаря предметному воплощению, что Я. Ассману как египтологу по профессии было, наверное, особенно ясно. «Идеи должны получить чувственный облик, прежде чем будут – в качестве предметов – допущены в память», – поясняет исследователь (Ассман, 2004: 38).

Такие «чувственные образы» предметов, фиксирующие моменты прошлого, «фигуры воспоминаний» (по выражению Я. Ассмана) он предложил описывать понятием «культурная память» (впрочем, используемое им слово *Erinnerungskulturen* правильнее было бы перевести с немецкого как «культуры памяти», что по смыслу точнее отражает предложенную ученым аналогию с пластами исторических культур). Места захоронений, мемориальные комплексы, памятники, топонимические названия, ритуалы и т.д. превращаются в хранилища памяти, в ее «опредмеченные» представления о прошлом.

П. Нора для их пространственной локализации вводит понятие «места памяти». Помимо географических объектов (мемориалов, музеев), французский историк в конечном счете относит к ним и события (коммеморации), и тексты (трактаты, протоколы), и многое другое (Между памятью..., 1999: 40). В целом под «местами памяти» он понимает объекты материального и нематериального наследия, способные аккумулировать и сохранять коллективные представления о прошлом в культурной памяти тогда, когда эти представления в коммуникативной памяти начинают истончаться и утрачиваться (Там же: 17).

Всплеск такого интереса к использованию различных форм коллективной памяти о прошлом в политических целях, в первую очередь в качестве инструмента формирования идентичности, в конце XX в. имеет свои причины. В предыдущую эпоху модерна главным фактором, объединяющим народности и социальные группы в политическую нацию, выступали экономические связи, возникавшие в эпоху образования общенационального рынка. Конечно, это также предполагало конструирование «воображаемого сообщества» путем апелляции к «духу народа» и создание коллективных представлений о прошлом в мифологизированных нарративах общей истории. Однако роль этих конструктивистских практик, хотя и являлась необходимой, была вторичной, лишь идеологически оформлявшей объективный процесс создания политических наций.

Все изменилось во второй половине, а особенно – к концу XX в. Глобализация и втягивание бывших национальных экономик в глобальные экономические связи уничтожали или ставили под сомнение прежнюю основу национальной и государственной идентичности – национальные рынки. Однако, поскольку одновременно действовала противоположная тенденция, связанная с необходимостью сохранения наций и государств на этапе нарастания межгосударственных противоречий, возникла необходимость появления иного механизма идентификации. Таковым стало конструирование идентичностей из мифологии коллективной исторической памяти. Экономические основы поддержания идентичности сменились мнемоническими, прежний вторичный фактор, обеспечивающий общенациональное единство, превратился в первичный, а его теоретическое обоснование предложил конструктивизм.

Культурная память, в большей мере удобная в качестве средства мифологизации, оказалась более востребованной в этом контексте. В отличие от коммуникативной памяти, она нуждается в специальном сопровождении «интерпретаторами-идеологами» коллективных представлений. Я. Ассман перечисляет шаманов, брахманов, жрецов, бардов, то есть «обладающей знанием социальной элиты, специалистов культурной памяти» (Ассман, 2004: 57–58). Благодаря предметной воплощенности, обретая в ней «чувственный облик», культурная память в итоге образует «узловые пункты» «несущих конструкций» представлений о прошлом, становясь в руках этих идеологов эффективным инструментом управления настоящим.

Образующееся при этом различие между коммуникативной и культурной памятью П. Нора описывает как оппозицию памяти и истории. История (культурная память) начинается там, где заканчивается память (коммуникативная память) (Между памятью..., 1999: 25). Но Я. Ассман указывает не только на бинарность, но и на возможность разрыва между культурной и коммуникативной памятью и возникающую в результате бикультурность в восприятии прошлого (Ассман, 2004: 58).

С учетом устойчивости коллективных представлений о прошлом, «живущих» в памяти коммуникативной, в том числе на семейном уровне (Hirst, Coman, 2018), подобная бикультурность может

приобретать и политический оттенок, выступая как противоречие между официальными и неформальными историческими нарративами.

В центре исследований отечественных ученых чаще оказывалась культурная память и ее использование в качестве инструмента исторической политики (Малинова, Миллер, Пахалюк, 2022; Миллер, Ефременко, 2020; Политика памяти..., 2023). В то же время ими обращается внимание на противоречивый характер дискурса этой политики (Ефременко, 2023; Малинова, 2016; Малинова, Джонсон, 2020; Миллер, 2022; Поцелуев, 2023; Фадеева, 2024).

Использование культурной и коммуникативной памяти в исторической политике местных сообществ в процессах формирования региональной и общенациональной идентичности составило предмет данного исследования. Предполагалось, что на уровне местных сообществ, где интенсивность социальных связей более высока, значение коммуникативной памяти, заполняющей лакуны официального нарратива, возрастает.

Концептуализация понятия «местное сообщество», рассматриваемое в данном случае в качестве субъекта исторической политики, представляет известную трудность в силу неоднозначности толкования термина. С точки зрения ряда авторов, оно не несет особой смысловой нагрузки и используется лишь в качестве симулякра субъектности и активности граждан, маскирующего на самом деле факт возрастающего отчуждения людей от власти на местном уровне (Кожевников, Карасев, 2025: 84–85). Другие исследователи, хотя и полагают, что местное сообщество объективно существует, вкладывают в это понятие разные смыслы. Для одних оно выступает просто синонимом населения муниципального образования, другие понимают под ним лишь активную его часть (Писарев, 2023: 49), для третьих решающим признаком выступает сформированная локальная идентичность (Морозова, Мирошниченко, Семененко, 2020: 60). Будем исходить из того, что отмеченные подходы не противоречат друг другу, а просто отражают возможные три уровня развития местного сообщества от его отсутствия к формальному, а затем к реально функционирующему уровню.

Опираясь на определение политической идентичности как политического отношения, предложенное И. С. Семененко (Политика идентичности..., 2023: 12), концептуализируем локальную идентичность как возникающее в ходе коммуникативного процесса отождествление человека с местным политическим сообществом на основе общего комплекса идейно-политических ориентаций, включающих осознание коллективных интересов и готовность к солидарным действиям. Соответственно, на первом этапе исследования была определена степень субъектности местного сообщества в качестве актора исторической политики, а на втором этапе рассмотрены ее основные направления.

Методы исследования

Для определения степени субъектности местного сообщества использовался вторичный анализ результатов массового опроса населения муниципальных образований автономного округа, в ходе которого респонденты должны были осуществить самоидентификацию, в том числе с местным сообществом. Исследование проводилось в феврале 2025 г. в виде анкетного опроса с рассылкой через Интернет и последующим отбором респондентов в выборочную совокупность ($N = 1000$) в соответствии с квотной выборкой, репрезентированной по полу, возрасту и месту жительства.

Эти результаты были дополнены данными опроса экспертов, которые в том числе характеризовали степень коммунитарности социальных связей в муниципалитетах. В опросе в форме структурированного интервью приняли 16 экспертов, в числе которых были восемь муниципальных чиновников, в сферу деятельности которых включены задачи внутренней политики, шесть членов НКО, осуществляющих проекты в сфере межнациональных отношений и политики идентичности, а также два руководителя муниципальных учреждений.

Методом изучения направлений и форм исторической политики по формированию общенациональной и региональной идентичности являлся контент-анализ. Источниками контент-анализа выступали нормативно-правовые документы, относящиеся к сфере внутренней политики по обеспечению межнационального мира, реализации политики идентичности и исторической политики на муниципальном уровне. Проанализирована нормативно-правовая база муниципалитетов Югры. Категориями контент-анализа выступало отражение в них исторической политики, политики памяти, мемориальной политики, политики гражданской идентичности и межнационального согласия в муниципальном образовании.

Особенности коллективных представлений о прошлом, формируемые в том числе исторической политикой, исследовались методом углубленного интервьюирования. Всего было взято 64 интервью с

жителями Югры. Из них 28 опрошенных были в возрасте 18–24 лет, в возрасте 25–30 лет – 26 человек, 31–50 лет – 6 человек, старше 50 лет – 4 человека. Интервьюируемые должны были оценить, как институты, учреждения, общественные организации участвуют в сохранении исторического прошлого. Кроме того, необходимо было рассказать о том, обсуждаются ли вопросы исторического прошлого с соседями, друзьями, в семье, а также то, как видятся узловые события истории через призму семейных воспоминаний, как эти события повлияли не только на историю народа, но и на историю семьи.

Полученные результаты

Анализ ответов на вопрос о самоидентификации респондентов, заданный в ходе массового опроса, показал, что более 62 % считают себя членами местного сообщества. Однако в ответах на вопрос о самоидентификации в ситуации выбора идентификационной группы выяснилось, что включили себя в члены местного сообщества лишь 18 % опрошенных. Остальные связали свою идентичность в первую очередь с профессиональным сообществом, интернет-сообществом, группой по интересам и пр.

В ответах экспертов суммарная оценка степени сформированности идентичности локального сообщества составила 4,5 балла, что по предложенной классификации означало, что локальная идентичность существует, но носит формальный характер, не выступает поведенческим мотивом. Эксперты отмечали ее ситуативный и фрагментарный характер, зависимость от административных усилий сверху, а также преобладание у населения утилитарных запросов над ценностными в формировании солидарных связей.

В качестве благоприятных факторов формирования локальной идентичности назывались следующие: столичный статус (г. Ханты-Мансийск), концентрация культурных институтов, характерная для крупных промышленных центров (г. Сургут, г. Нижневартовск), компактное проживание на территории муниципального образования общин коренных малочисленных народов Севера (Сургутский, Берёзовский, Октябрьский районы), поскольку политика, направленная на сохранение традиций этих народов, по мнению экспертов, укрепляет и локальную идентичность. В то же время экономическая зависимость от одного предприятия в моногородах, отток молодежи, территориальная удаленность, слабое развитие локальных брендов были отмечены экспертами как факторы, ослабляющие идентификационные связи местных сообществ (города Пыть-Ях, Покачи, Мегион).

Таким образом, уровень сформированности локальной идентичности местных сообществ не обеспечивает их субъектности в идентификационных процессах. Неслучайно, судя по результатам контент-анализа отчетных документов муниципалитетов, некоммерческие организации, ветеранские объединения, национально-культурные автономии организуют лишь 12 % от общего числа мероприятий в рамках политики идентичности. Да и те в своем большинстве опираются на грантовую поддержку и помощь муниципальных учреждений.

Доминирующим актором исторической политики, усилия которого направлены на формирование общенациональной и региональной идентичности на местном уровне, выступают органы муниципальной власти. Анализ отчетов о 135 мероприятиях, проведенных в муниципалитетах автономного округа в 2024 г. в сфере внутренней политики, показывает, что муниципальные учреждения (школы, дома культуры, библиотеки, центры дополнительного образования) организуют 88 % всех мероприятий, предполагающих обращение к коллективным представлениям о прошлом.

Значительная часть этих мероприятий приходится на школы, составляя более трети (38 %) от их общего числа. Использование образовательных учреждений обеспечивает достаточно большое количество мероприятий. Включение в поле исторической политики более старших возрастных категорий достигается мероприятиями, организуемыми учреждениями культуры (дома культуры, библиотеки, музеи), занимающих 43 % от общего числа. Хотя и в мероприятиях этих учреждений дети и молодежь составляют почти три четверти участников.

Доминирующим направлением политики памяти на местном уровне, судя по широкому использованию в контенте мероприятий «мест памяти», выступает обращение к культурной памяти. Одни только связанные с ней коммеморативные и праздничные мероприятия составляют почти половину – 44 % от общего числа. С одной стороны, эти формы обеспечивают глубокое эмоциональное воздействие, но одновременно предъявляют особые требования к методической и содержательной стороне мероприятий, что должно находить отражение в соответствующих документах, регламентирующих рассматриваемую нами сферу.

В то же время, как показали результаты контент-анализа, концепты «историческая политика», «политика памяти» лишь эпизодически присутствуют в программных документах и полностью отсутствуют в отчетных. Понимание связи между исторической памятью и формированием идентичности sporadически возникает только в обозначении целей мероприятий патриотического характера, связанных с сохранением памяти о Великой Отечественной войне.

Аналогичная ситуация наблюдается с концептами «региональная идентичность» и «локальная идентичность»: они не используются ни в одном из проанализированных документов. Региональный и локальный компоненты идентичности не выделяются как самостоятельная задача муниципальной политики.

Концепты «общероссийская гражданская идентичность» и «межнациональное согласие» присутствуют во всех муниципальных документах. При этом они воспроизводят формулировки федеральных нормативных актов, прежде всего Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации. Адаптация федеральной терминологии к региональному и муниципальному контексту практически отсутствует. Не предпринимается попыток наполнить общие концепты локальным содержанием, связать их с конкретными особенностями территории.

В документах не просматривается взаимосвязь между исторической политикой и политикой идентичности. Мероприятия, обозначенные как способствующие формированию региональной идентичности, указываются под рубриками «межнациональное согласие» или «сохранение культурного наследия», не связываются с задачей формирования представления о региональной общности через общее прошлое.

Анализ временного охвата исторической политики выявляет существенную неравномерность. Подавляющее большинство мероприятий (74 %) сосредоточено на двух периодах: Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и специальной военной операции. Великая Отечественная война является абсолютно доминирующей темой исторической политики.

В то же время контент исторической политики обнаруживает обширные временные лакуны. Наиболее значительная из них – советский период (за исключением Великой Отечественной войны). События 1917–1941 и 1945–1991 гг. присутствуют менее чем в 3 % мероприятий. Выпадают революция и Гражданская война, индустриализация 1930-х гг., коллективизация, послевоенное восстановление, достижения советской науки и культуры, перестройка. Политически чувствительные темы (например, события Казымского восстания или история поселков спецпереселенцев) также не попадают в контент исторической политики.

Столь же слабо представлена локальная история региона до XX в. (5 % мероприятий). Выпадают присоединение Сибири к России, история коренных народов в досоветский период, торговые пути, первые русские поселения.

Парадоксально, но и темы нефтегазового освоения 1960–1980-х гг. не входят в репертуар исторической политики. Между тем эта эпоха является ключевой для формирования современного облика региона: именно тогда были открыты месторождения, построены города, сформировались трудовые коллективы. Нефтегазовые компании не вовлечены в историческую политику, а образовательные и культурные учреждения фокусируются на традиционных темах.

Полностью отсутствуют в нормативно-правовых и отчетных документах упоминания о событиях в 1990-е гг., которые тоже уже можно считать пусть недавней, но историей, требующей интерпретации, игнорирование которой создает разрыв в историческом дискурсе.

Возникающие лакуны в формировании коллективных представлений о прошлом в какой-то мере призвана компенсировать коммуникативная память. Методом исследования ее нарративов выступили углубленные интервью.

Как выяснилось из ответов респондентов, историческая политика по сохранению коллективных представлений о прошлом в коммуникативной форме весьма востребована. В качестве такой формы чаще всего называлась акция «Бессмертный полк». *«Это действительно народная инициатива, когда тысячи людей выходят с портретами своих предков. Это зримое, эмоциональное воспоминание, которое связывает семьи в единое сообщество»,* – говорит один из респондентов. *«Я хожу на “Бессмертный полк” с портретом погибшего прадеда. Это, наверное, самый честный момент, когда личная память выходит на улицу и ты видишь море таких же личных, часто очень тяжелых историй. Но чувства настоящего соседского сообщества, которое вместе хранит общую память о месте, у нас нет. Мы – сообщество одиночек с чемоданами семейных травм»,* – отмечает другой.

Отмена шествия «Бессмертного полка» в ряде муниципалитетов в 2025 г. вызывает бурную реакцию: *«Мы всей семьей ждали этот день, чтобы почтить память наших предков, готовили фотографии... А его взяли и отменили, как так можно?»*.

В то же время официальные мероприятия, апеллирующие к культурной памяти, нередко критиковались опрошенными за формализм и «бездушие»: *«Говорить о сохранении исторической памяти на уровне города или округа для меня – это в каком-то смысле говорить о чем-то официальном, внешнем. Это та память, которую организуют, транслируют, за которой следят. Все это работает тихо и исправно, как хороший механизм»*.

Как проявление формализма и даже лицемерия трактуется ненадлежащий вид мемориалов, используемых в качестве «мест памяти» (приводился пример памятника «Мужеству рыбаков Сургута в 1941–1945», до реставрации находившегося в плачевном состоянии).

Респонденты весьма позитивно отзывались о советской эпохе: *«О периоде СССР старшие родственники не говорят об этом ничего плохого вовсе, и негативно относятся к Беловежским соглашениям и распаду СССР»*. Отмечают противоречивость, сложность истории: *«В разговорах мы часто отмечаем противоречие: прадед сражался за Родину и был награжден, но тем не менее оказался жертвой репрессивной политики»*.

Даже о Великой Отечественной войне представления в коммуникативной памяти разнятся с нарративами, превалирующими в официальной исторической политике и культурной памяти. Внимание акцентируется не столько на Победе, сколько на жертвах и пережитых муках. *«Мой дед был моряком. И с ним связана самая большая семейная боль – он пропал без вести. Тело не нашли, могилы нет. Бабушка до конца дней ждала и надеялась. Эта история не про подвиг, а про бесконечную, тихую тоску и неопределенность. Она не закончилась в 1945-м, она длится до сих пор»*, – говорит респондент. Другой характерный фрагмент интервью: *«Бабушка, ее старшие братья и младшие сестры не видели ужасов фронта, но сполна хлебнула голода, страха и непосильного труда в тылу»*.

Любопытно, что альтернативность коммуникативной памяти официальным нарративам может даже манифестироваться, как это однажды вылилось в изготовлении на частные средства и установке памятника И.В. Сталину в Сургуте вопреки мнению властей¹.

На фоне неразвитости идентичности местных сообществ главным носителем коммуникативных форм памяти остается семейная память: *«История постоянно живет в наших будничных разговорах, в молчаливых паузах, в том, как папа, прошедший Афганскую войну, смотрит на огонь зажигалки, в том, как бабушка качает головой, услышав по телевизору о каких-нибудь реформах. Это память не в лозунгах и не в датах, а в телесных реакциях, в привычках, в недоверии к громким обещаниям и в тихой гордости за то, что просто выжили, сохранили честность и продолжили работать»*, – заключает один из респондентов.

Выводы

1. Историческая политика на муниципальном уровне в Югре выступает частью символической политики, направленной на формирование общенациональной идентичности как фактора поддержания общественно-политической стабильности в стратегически важном регионе. Она имплицирована во внутренней политике муниципалитетов, реализуясь, хотя и в неявном виде, в профильных муниципальных программах, планах мероприятий по патриотическому воспитанию и профилактике межнациональной конфликтности, подразумевающих использование инструментов исторической политики, а также поддерживаясь сетью учреждений образования и культуры и координирующих их деятельность межведомственных и общественных советов.

2. В то же время в программных и отчетных документах, относящихся к политике идентичности, историческая политика присутствует лишь в латентном, неявном виде. Даже сами понятия «историческая политика» и «политика памяти» встречаются в них крайне редко, то есть взаимосвязь между исторической политикой и политикой идентичности в достаточной мере не отрефлексирована. Репертуар мемориальной политики, направленной на формирование общенациональной идентичности, ограничен «местами памяти», связанными с Великой Отечественной войной. Но даже их смысловой потенциал зачастую не используется в полной мере. Дискурс коммеморативных мероприятий, связанный с почитанием памяти героев войны, не акцентирует, например, внимание на том, что это были представители разных национальностей.

¹ В Сургуте власти демонтировали скандальный бюст Сталина (2016) [Электронный ресурс], *Комсомольская правда*, 6 октября. URL: <https://www.ugra.kp.ru/daily/26591.4/3606583/> (дата обращения: 20.02.2026).

3. Уровень сформированности локальной и региональной идентичности самих локальных сообществ недостаточен для обретения субъектности в сфере исторической политики. Доминирующим актором формирования общенациональной и региональной идентичности на местном уровне выступают органы муниципальной власти. Они координируют и направляют на эти цели деятельность подведомственных учреждений культуры, спорта, образования, а также привлекают некоторые общественные организации.

4. Основным направлением исторической политики органов местной власти как доминирующих акторов выступают сохранение и использование культурной памяти. Эту деятельность, стержнем которой выступает организация мероприятий коммеморативного характера с «привязкой» к «местам памяти», проще организовывать и нагляднее демонстрировать, копируя в том числе федеральные тренды. Заметна тенденция избегания использования более сложных в организационном отношении коммуникативных форм сохранения коллективной памяти, проявившаяся, например, в отказе от организации акции «Бессмертный полк».

В то же время гражданами более востребована историческая политика по сохранению коллективных представлений о прошлом именно в коммуникативной форме. Бинарность, даже противоречия, между культурной памятью и коммуникативной оказались достаточно заметны.

5. С содержательной точки зрения историческая политика на местном уровне, копируя федеральные тренды, нередко либо стигматизирует ряд исторических периодов (например, революционный или постреволюционный), инспирируя коллективные представления в парадигме вины за прошлое, либо девальвирует их достижения (например, в отношении советской эпохи), либо игнорирует неудобные нарративы, как это происходит с ельцинским периодом. Подобные операции по девальвации, стигматизации и игнорированию исторического материала могут приводить к «вымыванию» коллективных представлений, формирующих общенациональную и, что еще чаще, основанную на воспоминаниях повседневности групповую идентичность, в том числе идентичность местных сообществ. Кроме того, возникающий когнитивно-мнемонический диссонанс с представлениями, сохраняющимися в семейной памяти, порождает ситуацию недоверия к содержательной стороне официальной исторической политики.

Список литературы / References

- Ассман, Я. (2004) *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: «Языки славянской культуры», 368 с. [Assman, Ya. (2004) *Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in high cultures of antiquity*. trans. M. M. Sokolskaya. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 368 p. (In Russ.)].
- Ассман, А. (2014) *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение. 328 с. [Assman, A. (2014) *The Long Shadow of the Past: Memorial culture and Historical Policy*, trans. B. Khlebnikov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 328 p. (In Russ.)].
- Ефременко, Д. В. (2023) 'Обретая уверенность в собственном прошлом. Российские идентичность и политика памяти на новой исторической развилке', *Политическая наука*, 2, сс. 15–45. [Efremenko, D.V. (2023) 'Gaining confidence in his own past. Russian identity and politics of memory at a new historical fork', *Political Science*, 2, pp. 15–45. (In Russ.)].
- Кожевников, О. А., Карасев, А. Т. (2025) 'Местное сообщество: множество вариаций без наличия нормативного обоснования', *Вестник ЮУрГУ, Серия «Право»*, 25(2), сс. 80–88. [Kozhevnikov, O. A., Karasev, A. T. (2025) 'Local community: many variations without regulatory justification', *Bulletin of SUSU. "Law"*, 25(2), pp. 80–88. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2016) 'Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам', *Полис. Политические исследования*, 6, сс. 139–158. (Malinova, O. Yu. (2016) 'The Official Historical Narrative as an Element of Identity Politics in Russia: from the 1990s to the 2010th', *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 6, pp. 139–158. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю., Джонсон, Дж. (2020) 'Символическая политика как предмет political science и Russian studies: исследования политического использования

- прошлого в постсоветской России', *Политическая наука*, 2, сс. 15–41. [Malinova, O. Yu., Johnson, J. (2020) 'Symbolic politics as a subject of political science and Russian studies: studies of the political use of the past in post-Soviet Russia', *Political science*, 2, pp. 15-41. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю., Миллер, А. И., Пахалюк, К. А. (2022) 'Региональный аспект политики памяти в России', *Новое прошлое*, 2, сс. 112–136. [Malinova, O. Yu., Miller, A. I., Pakhalyuk, K. A. (2022) 'Regional aspect of memory policy in Russia', *The New Past*, 2, pp. 112–136. (In Russ.)].
- Миллер, А. И., Ефременко, Д. В. (ред.) (2020) *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 632 с. [Miller, A. I., Efremenko, D. V. (eds.) (2020) *Politics of Memory in Contemporary Russia and Eastern European Countries. Actors, Institutions, Narratives*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 632p. (In Russ.)].
- Морозова, Е. В., Мирошниченко, И. В., Семенов, И. С. (2020) 'Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности'. *Полис. Политические исследования*, 3, сс. 56–77. (Morozova, E. V., Miroshnichenko, I. V., Semenenko, I. S. (2020) 'Development of rural local communities: the potential of identity politics', *Policy. Political Studies*, 3, pp. 56–77. (In Russ.)].
- Писарев, А. Н. (2023) 'Правовые основы местного сообщества в Российской Федерации: понятие, структура, формы взаимодействия с органами местного самоуправления', *Правосудие*, 5, (4), сс. 43–58. [Pisarev, A. N. (2023) 'Legal foundations of the local community in the Russian Federation: concept, structure, forms of interaction with local authorities', *Justice*, 5(4), pp. 43–58. (In Russ.)].
- Политика идентичности: понятия, смыслы, практики: учеб. пособ.* (2023) отв. ред. Л. А. Фадеева. Пермь: ИЦ «Титул», ФГБОУ ВО «ПГНИУ», 216 с. [*Identity politics: concepts, meanings, practices: textbook* (2023) L. A. Fadeeva (ed.). Perm: PS "Title", FSBEI HE "PSSRU", 216 p. (In Russ.)].
- Политика памяти в России – региональное измерение: монография* (2023) под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко. РАН. ИНИОН. Институт научной информации по общественным наукам РАН. М. 471 с. [*Memory policy in Russia – regional dimension: monograph* (2023) A. I. Miller, O. Yu. Malinova, D. V. Efremenko (eds). RAN. INION. Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. M. 471 p. (In Russ.)].
- Поцелуев, С. П. (2023) 'Стереотип как институциональный ресурс политики памяти: случай российского поколения Z' *Журнал политических исследований*, 7(4), сс. 62–71. [Poceluev, S. P. (2023) 'Stereotype as an institutional resource of memory policy: the case of the Russian generation Z', *Journal of Political Studies*, 7(4), pp. 62–71. (In Russ.)].
- Фадеева, Л.А. (2024) 'Конструктивные подходы к анализу конструируемой идентичности', *Современная Европа*, 2, сс. 175–183. [Fadeeva, L.A. (2024) 'Constructive approaches to the analysis of constructed identity', *Modern Europe*, 2, pp. 175–183. (In Russ.)].
- Нора, П. (1999) 'Между памятью и историей. Проблематика мест памяти' в П. Нора и др. *Франция-память*. пер. с фр. Д. Хапаевой. Санкт-Петербургский гос. ун-т; Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999, 325 с. [Nora, P. (1999) 'Between Memory and History: The Problem of Places of Memory' in P. Nora and oth. *France-Memory*, trans. D. Khapaeva. Sankt-Peterburgskij gos. un-t; St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 1999, 325 p. (In Russ.)].
- Хальбвакс, М. (2007) *Социальные рамки памяти*. М.: Новое издательство, 348 с. [Khal'bvaks, (2007) M. *Social frameworks of memory*. M.: Novoe izdatel'stvo, 348 p. (In Russ.)].
- Hirst, W., Coman, A. (2018) Corrigendum to 'Building a collective memory: the case for collective forgetting', *Current Opinion in Psychology Curr. Opin. Psychol.*, (23), pp. 8–92.

Конфликт интересов.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The authors declare no conflict of interest.

Сведения об авторах

Мартынов Михаил Юрьевич, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политологии и философии.

E-mail: martinov.mu@gmail.com (ORCID: [0000-0002-8245-7359](https://orcid.org/0000-0002-8245-7359). ResearcherID: F-8115-2019).

Пуртова Виктория Сергеевна, старший преподаватель кафедры политологии и философии.

E-mail: viktoriya-purtova@yandex.ru (ORCID: [0000-0001-5281-1014](https://orcid.org/0000-0001-5281-1014). ResearcherID: I-1090-2018).

Information about authors

Mikhail Y. Martynov, Doctor of Sciences (in Politics), Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and Philosophy.

E-mail: martinov.mu@gmail.com (ORCID: [0000-0002-8245-7359](https://orcid.org/0000-0002-8245-7359). ResearcherID: F-8115-2019).

Victoria S. Purtova, Senior Lecturer, Department of Political Science and Philosophy.

E-mail: viktoriya-purtova@yandex.ru (ORCID: [0000-0001-5281-1014](https://orcid.org/0000-0001-5281-1014). ResearcherID: I-1090-2018).